

Мамяченков В. Н. Идеологический контроль за настроениями граждан СССР в 1953 — начале 1960-х гг. (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2016. — № 5 (53). — С. 156—174.

УДК 94(470.54)

Идеологический контроль за настроениями граждан СССР в 1953 — начале 1960-х гг. (на материалах Свердловской области)

© **Мамяченков Владимир Николаевич (2016)**, доктор исторических наук, доцент кафедры теории управления и инноваций, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), mayachenkov@mail.ru.

Статья посвящена очень актуальной и злободневной теме, не утратившей своего дискуссионного потенциала и социально-политического значения до наших дней. Исследование проведено на архивных материалах Среднего Урала в границах Свердловской области. Научная новизна работы видится в том, что в оборот вводятся вновь обнаруженные архивные материалы и излагается авторская концепция темы исследования. Рассматриваются различные аспекты идеологического контроля, осуществляемого Коммунистической партией в интереснейший для СССР исторический период, получивший название «оттепели». Дается оценка социально-политической ситуации в стране в целом. Подчеркивается, что отход страны от диктаторских методов управления совершенно не означал отказ партии и государства от перманентного контроля во всех сферах жизни советского общества, прежде всего — в идеологической. Констатируется, что протестное движение в СССР росло до второй половины 1960-х годов, анализируются и формулируются причины его спада в последующие годы. Утверждается, что в российском обществе до сих пор не сформировалась культура взаимоотношений граждан и государства, в рамках которой последнее выступало бы стандартным бюрократическим аппаратом, подконтрольным гражданскому обществу. Делается вывод о том, что Коммунистическая партия, как ведущая сила советского общества, так и не смогла преодолеть догматизм, невосприимчивость социальных инноваций и страх потерять тотальный контроль над обществом.

Ключевые слова: Средний Урал; Свердловская область; коммунистическая идеология; партия; государство; контроль; население.

1. Введение

Смерть И. Сталина, последовавшая 5 марта 1953 года, знаменовала собой завершение наиболее мрачного периода истории созданного им и В. Лениным государства. Как это часто бывает, умерший диктатор не оставил после себя преемника, равного себе по степени жестокости и вероломства. А поэтому новым руководителям партии и государства пришлось, так или иначе, начинать процесс частичной либерализации всех сфер общественно-политической жизни страны, получивший в истории название «оттепели». Конечно, речь при этом не шла о каких-либо кардинальных переменах и реформах — просто анемия общественной жизни и кризисное состояние экономики требовали немедленного прекращения откровенно террористической политики по отношению к собственному населению и предоставления ему минимальных свобод. Кроме того, новая ситуация требовала и осуществления неотложных экономических мероприятий, прежде всего — в сельском хозяйстве.

В остальном же все оставалось по-прежнему, а главное — повсеместно сохранялся жесткий контроль государственных и партийных органов над средствами массовой информации, культурными сообществами и настроениями населения. Основными инструментами такого тотального контроля были силовые структуры и партийная номенклатура, которые всегда находились в тесной взаимосвязи. С этой целью одним из важнейших направлений партийной кадровой политики был преимущественный прием в ряды КПСС, прежде всего рабочих и работников силовых структур. Другим же стратегическим направлением был фактический запрет на занятие руководящих номенклатурных должностей беспартийными.

Если говорить об историографии темы, то здесь надо сказать, что социально-политические события 1953—1963 годов нашли освещение в научной литературе в основном в масштабе всей страны [Аксютин, 2004; Лукин, 1992; Козлов, 1999, 2006; Крамола, 2005; Кулевиг, 2009; Сизов, 2001]. Что касается конкретно Урала и Свердловской области, то сошлемся на одну диссертацию [Прищепа, 1999], а также три статьи автора данной работы [Мамяченков, 2010, 2016а, 2016б]. В то же время нельзя не отметить, что региональный аспект данной проблемы в целом разработан пока что недостаточно. Предлагаемая статья в известной мере должна восполнить этот пробел.

2. Начало «оттепели»

Первым важнейшим общественно-значимым во всесоюзном масштабе событием послесталинской эпохи были выборы депутатов в Верховный

Совет СССР 14 марта 1954 года. Хотя они, конечно, проходили под лозунгами «всенародной борьбы за дальнейший расцвет могущества нашей Родины» и «30 лет без Ленина, по ленинскому пути», но фактически это было уже предвестие «оттепели». Подобные мероприятия всегда были для советских людей иллюзорной возможностью донести до власть предержащих свои чаяния и надежды в виде надписей на оборотной стороне избирательных бюллетеней. Иллюзорной эта возможность была потому, что для властей такое анонимное выражение общественного мнения было очень удобным способом канализации общественного возмущения — ведь помимо своей безгласности такие обращения не требовали адресных ответов и принятия каких-либо срочных мер.

Так было и на вышеупомянутых выборах: избирательные комиссии зафиксировали значительное количество бюллетеней, на оборотной стороне которых граждане выразили свои жалобы и просьбы. Большая часть обращений касалась, естественно, низких доходов и нехватки в торговой сети продуктов питания и непродовольственных товаров. Вот что писали граждане в марте 1954 года:

— «Мой наказ вам позаботиться об инвалидах труда. 201 рубль в месяц на содержание очень мало. Инвалид второй группы»;

— «На производстве [надо] быть каждый день, а материальных средств для лечения нет»;

— «Когда будет в магазинах мяса в достатке?»;

— «Нужно наладить работу магазинов, ничего в них нет — мяса, мясных изделий, рыбы»;

— «Наши торгующие организации совсем не закупают овощей и фруктов. Прошлом лето почти нигде не торговали огурцами, помидорами, яблоками» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 112. Л. 53—54, 56].

Кроме того, население было обеспокоено высоким уровнем преступности, отсутствием достойного жилья, плохой работой общественного транспорта и другими проблемами.

Почему советские граждане предпочитали жаловаться анонимно? Этому прямо способствовал печальный опыт недавнего прошлого, когда за самую невинную критику действий органов власти можно было получить статус «врага народа» или, в лучшем случае, «злобного критикана» и «нытика». Типичный советский человек (как, впрочем, и нынешний российский) рассматривал государство исключительно как источник неограниченной власти. С сожалением можно констатировать, что в российском обществе до сих пор так и не сформировалась культура взаимоотношений граждан и государства, в рамках которой государство являлось бы (как это

и должно быть) всего лишь бюрократическим аппаратом, подконтрольным гражданскому обществу.

3. Контроль трудовых отношений

Впрочем, гораздо чаще о настроениях граждан свидетельствовали вовсе не их анонимные послания, а донесения вполне конкретных лиц — осведомителей органов госбезопасности. «Компетентные органы» обобщали этот поток донесений и представляли в партийные инстанции так называемые спецсообщения, снабжая их своими комментариями. Большое количество таких документов находится в рассекреченных материалах архива Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области [АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 1 и 2]. Благодаря им, мы можем теперь уверенно утверждать, что первые плоды «оттепели» обозначились уже в 1956 году. Именно тогда на промышленных предприятиях страны стали происходить неслыханные доселе события — открытые возмущения рабочих, недовольных низкими размерами зарплат, задержками с их выплатой и снижением расценок.

Это был своеобразный качественный скачок в способах проявления недовольства населения. До 1956 года в спецсообщениях говорилось только об «отрицательных *настроениях* и *высказываниях*» рабочих, то есть фиксировалось отсутствие каких-либо конкретных действий с их стороны. А в указанном году в донесениях органов госбезопасности впервые уже говорится о «нездоровых *проявлениях* среди рабочих». В первом таком спецсообщении, которое начальник Управления КГБ по Свердловской области полковник А. В. Ильичев 11 февраля направил партийному руководителю области А. П. Кириленко, говорилось: «С 1 февраля 1956 года были повышены расценки в отдельных цехах завода транспортного машиностроения. Некоторые рабочие в знак протеста в течение нескольких дней, выходя на работу, по существу не работали и отсиживались в курилке или сознательно не вырабатывали в смену того количества продукции, которое они давали до этого пересмотра. 2 февраля с. г. в цехе № 225 на участке сборки вся 2-я смена почти не работала. В цехе № 200 <...> в течение 2—3 февраля на участке обработки тракторных роликов несколько человек рабочих также отказались от работы <...> Вследствие этого даже отдельные мастера и начальники участков сами высказывали недовольство о проводящемся пересмотре норм и расценок» [АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 35—36].

Следующее подобное спецсообщение уже не заставило себя ждать — 24 февраля 1956 года (то есть ровно за сутки до того, как в Москве в день закрытия XX съезда КПСС Н. С. Хрущев зачитал свой исторический до-

клад «О культе личности и его последствиях») все тот же полковник Ильичев сообщал в обком партии: «По поступающим в Управление агентурным данным в цехе № М—1 Свердловского турбомоторного завода на почве увеличения норм выработки и снижения расценок среди некоторой части рабочих цеха отмечаются нездоровые проявления, выражающиеся в отказе от работы или сознательном невыполнении сменных норм <...> Так, 15 февраля с. г. после объявления о дополнительном снижении расценок, во второй половине смены почти полностью не работала вся первая смена участка тракторной линии <...> Совсем отказались от работы, а затем написали заявления об увольнении и добились удовлетворения их просьбы рабочие [перечисляются несколько фамилий. — В. М.] <...> Высказывали желание уволиться и другие рабочие этого участка и цеха. На этой же почве плохо работали и некоторые рабочие второй смены этого участка» [АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 113–114].

Как видно из процитированных документов, органы госбезопасности имели полную информацию о происходящих событиях и доводили ее до партийного руководства, которое принимало меры по урегулированию подобных конфликтов. Число же таких конфликтов в первое послесталинское десятилетие только росло. Так, в АУФСБСО можно найти сведения о том, что «нездоровые настроения и проявления» имели место в 1959 году на заводе № 379 в Каменск-Уральском и автобазе № 6, а в 1962-м — в цехе № 53 УЗТМ. Особенно же «урожайным» оказался 1963 год, когда подобные негативные для властей события были отмечены на целом ряде предприятий: Березовском участке леспромхоза, Краснотурьинском деревообделочном комбинате, Черновском мехлесопункте Камышловского лестрансхоза, фабриках № 3 и 5 треста «Ураласбест», заводах № 50, ЖБИ треста «Базстрой», «Уралэлектроаппарат», УЗТМ и Новотрубный. При этом в некоторых случаях дело дошло до массовых (100 и более человек) невыходов на работу [АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 177—178; Д. 283. Л. 31–32; Д. 299. Л. 8—10; Д. 331. Л. 88—93, 106—107; Д. 381. Л. 13—14].

Но, что интересно, в дальнейшем, начиная со второй половины 1960-х годов, протестная активность трудящихся, судя по всему, снижается. (Впрочем, окончательный вывод можно будет сделать только после изучения закрытых пока архивных дел, относящихся к 1970-м—1980-м годам.) На наш взгляд, причиной установления такого «периода бесконфликтности» на почве трудовых отношений было то, что после неудачной реформы 1965 года экономика страны прочно встала на бесперспективный путь снижения темпов развития и увеличения скрытой инфляции. Внешне это проявлялось в довольно быстром росте доходов населения, что создавало

для последнего успокаивающий эффект. Но при этом постепенно нарастал товарный дефицит, предельно обострившийся к началу 1980-х годов, из-за которого гражданам просто не на что было потратить все большую часть заработанных денег. Таким образом, началось формирование пресловутого «денежного навеса», сыгравшего крайне негативную роль в крушении экономики СССР.

Представление о темпах роста «лишних» денег советских граждан дает приводимая нами ниже таблица. Из нее следует, что уже за первую «послехрущевскую» пятилетку (с 1965 по 1970 годы) среднестатистические накопления населения Свердловской области возросли в два с лишним раза, а за следующее пятилетие — еще почти вдвое. Всего же за четверть века (с 1960 по 1985 годы) эти накопления возросли в 13 раз. Такие темпы, конечно, явно опережали темпы роста экономики области и страны в целом. По сути, в стране раскручивался маховик инфляции, но о ней ничего и нигде не говорилось, так как сама возможность наличия этого явления в плановой экономике отрицалась официальной советской наукой. Однако таким способом можно было «обмануть» инфляцию, но не товарный дефицит.

Таблица

Темпы роста денежных вкладов населения Свердловской области
в сберегательных кассах 1960—1990 гг. (на конец года) *

Годы	1960**	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Число вкладов, <i>тыс.</i>	1 221	1 254	1 649	2 039	2 456	2 763	3 446
Общая сумма вкладов, <i>млн руб.</i>	207	331	745	1 443	2 270	3 110	5 350
Средний размер одного вклада, <i>руб.</i>	169	264	452	708	924	1 126	1 552
Среднедушевой размер сбережений, <i>руб.</i>	51	83	173	329	506	671	1 134

* Источники: [Свердловская область... 1981, с. 19; Свердловская область... 1987, С. 18—19; Свердловская область... 1991, С. 34—35; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 83. Д. 264. Л. 2; Оп. 89. Д. 212. Л. 53; Оп. 113. Д. 649. Л. 217] (расчеты автора).

** В деньгах 1961 года.

4. Борьба с инакомыслием

Контроль за умами — неотъемлемый атрибут любой тоталитарной системы, и Советский Союз не был здесь исключением. Но, конечно, в условиях некоторого смягчения карательно-террористической политики

государства методы борьбы с инакомыслием тоже претерпели изменения. После смерти диктатора за критику существующего режима людей уже не расстреливали, а применяли различные превентивные меры — от «товарищеской» критики на общих собраниях до ареста, высылки или лишения свободы.

В 1956 году произошли два очень важных политических события, буквально потрясших всю «систему социализма», — XX съезд КПСС и события в Венгрии. Эхо этих событий отозвалось значительным ростом протестных настроений и в самом СССР, и в вассальных ему странах. Кроме того, решения XX съезда относительно разоблачения и преодоления культа личности Сталина отозвались крайне тяжелыми событиями в Грузии, сопровождавшимися гибелью десятков людей [Козлов, 2006, с. 234—262]. В ответ на это власти стремились усилить пресс идеологической обработки населения — только за год ЦК КПСС направил во все партийные организации страны три закрытых письма.

Из упомянутых писем особенно примечательно последнее — «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов» от 14 декабря 1956 года. Оно начиналось примечательной фразой: «Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза считает необходимым обратиться ко всем парторганизациям <...> для того, чтобы привлечь внимание партии и мобилизовать коммунистов на усиление политической работы в массах, на решительную борьбу по пресечению вылазок антисоветских элементов, которые в последнее время, в связи с некоторым обострением международной обстановки, активизировали свою враждебную деятельность против Коммунистической партии и Советского государства». Далее в письме констатировалось, что имеются факты «активизации деятельности антисоветских и враждебных элементов» и прежде всего — «контрреволюционный заговор против венгерского народа». При этом признавалось, что, хотя этот заговор и был прикрыт «фальшивыми лозунгами свободы и демократии», но этому способствовало «недовольство значительной части населения, вызванное тяжелыми ошибками, допущенными бывшим государственным и партийным руководством Венгрии» [Россия...].

Письмо откровенно было направлено на возбуждение неприязни и даже ненависти к тем, кто осмеливался критиковать советский режим. Таковыми, по мнению ЦК КПСС, являлись прежде всего амнистированные и реабилитированные граждане, среди которых якобы были люди «злобно настроенные против советской власти, особенно из числа бывших троцкистов, правых и буржуазных националистов». В письме утверждалось, что эти «...

жалкие остатки антисоветских элементов в нашей стране, будучи враждебно настроены против социалистического строя, пытаются использовать в своих гнусных целях все еще имеющиеся у нас трудности <...> При этом они умело используют политическую беспечность и обывательское благодушие некоторых коммунистов и руководителей партийных организаций, вражеские действия прикрывают фальшивыми словами о критике и самокритике, лозунгами борьбы за "демократию" <...> Между тем, есть немало примеров, когда коммунисты и партийные руководители решительно не пресекают антисоветскую пропаганду, не дают отпора вражеским вылазкам... Опасно и недопустимо, когда партийные организации ведут себя пассивно, <...> не дают организованного отпора антипартийным и демагогическим выступлениям и не принимают решительных мер к пресечению деятельности антисоветских, враждебных элементов» [Россия...].

В письме также говорилось, что наиболее подверженными этим идеям оказались молодежь, студенчество, а также творческая и научная интеллигенция. Сообщалось также, что в 1956 году имели место антисоветские выступления среди молодежи в Москве, Свердловске, Каунасе, Таллинне, Ереване. В частности, приводился пример по Свердловску — выступления на комсомольской конференции Уральского политехнического института студента Немелкова. Как говорилось в письме, это враждебное выступление было поддержано участниками конференции, а присутствовавшие при этом партийные руководители не смогли дать ему достойный отпор. Наконец, в письме провозглашалась недопустимость «расширительной» критики Сталина, то есть критики тех порядков в стране, которые привели его к власти и способствовали произволу и беззаконию. Такую позицию письма вскоре, кстати, поддержал и сам Н. С. Хрущев, заявивший, что Сталин вполне может быть примером для коммунистов и что «дай бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин». При этом «ошибки и недостатки» умершего диктатора Хрущев объявлял «личной трагедией Сталина», объясняя их особенностями его характера, а также остротой и непримиримостью классовой борьбы в стране [Россия...].

Письмо было разослано по стране и обсуждено во всех первичных партийных организациях. В Свердловской области, как и в других регионах страны, этот процесс проходил довольно бурно, но под контролем партийных органов. Партийные собрания по обсуждению письма тщательно планировались, чтобы не допустить никаких «эксцессов». Выступающим на собраниях вменялось в обязанность подвергать жесткой критике всех «недовольных» поименно, то есть фактически осуществлять политическое доносительство.

Так, секретарь Алапаевского ГК КПСС Г. Зернов по итогам обсуждения вышеупомянутого письма информировал обком партии, что некий коммунист Мелкозеров был «резко осужден» товарищами по партии за то, что он позволил себе ряд нелицеприятных высказываний о властях предрежущих. В частности, на профсоюзном собрании он заявил, что «...раньше из рабочих капиталисты пили кровь прямо, а теперь тов. Лисицын [директор Асбестовского комбината. — В. М.] пьет кровь через государство». Продолжая свое выступление, Мелкозеров зачитал составленную им заранее петицию, которую, как оказалось, подписали 11 человек. В петиции были и такие слова: «Рабочие живут плохо, мало зарабатывают». За эти высказывания коммунисту Мелкозерову был объявлен выговор с занесением в учетную карточку — последнее по тяжести наказание, после которого следовало уже только исключение из партии [ЦДООС. Ф. 4. Оп. 57. Д. 146. Л.2].

Далее Зернов доносил в обком, что наиболее удачно обсуждения письма прошли в парторганизациях МВД, Зырянковского рудника и завода «Стройдормаш». Как пример достойной партийной критики он привел выступление работника «Стройдормаша» Широкова, который заявил буквально следующее: «У нас есть любители поболтать, <...> а верно это или нет, его не касается. На общезаводской конференции выступил тов. Шадрин и заявил, что из-за отсутствия белого хлеба у детей пухнут животы. Я ставлю вопрос так: зачем искажать советскую действительность? Вот у меня пять человек ребят, и ни у одного живот не распух даже во время войны. Возьмем коммуниста тов. Барабанова: он среди рабочих делает сравнение о стоимости водки теперь и в царской России и приходит к выводу, что водка сейчас дороже и рабочие живут хуже, чем раньше» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 146. Л. 3].

Как видно из протокола собрания, выступившие вслед за Широковым ораторы (Мохнорылов, Фокин и другие) дружно заклеили коммуниста Барабанова, который однажды еще и прилюдно заявил: «Мы влачим жалкое существование, у рабочих денег хватает только на еду, а на одежду нет». Кроме того, по мнению критиков, он имел «неверное толкование некоторых теоретических вопросов», так как заявил: «У нас у рабочих будет низкое сознание, раз мы мало получаем. Получали бы больше — и сознание было бы лучше» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 146. Л. 3].

В Серове на партийном собрании заводоуправления металлургического завода мишенью «партийной» критики был выбран некий Кравец, человек трудной судьбы, бывший репатриированный из Германии. Судя по документам, это была незаурядная личность: за словом в карман не лез

и нередко на производственных совещаниях и различных собраниях критиковал начальство, «восхвалял порядки за границей», утверждая, что там «даже лучше со спецодеждой». При этом он как работник был на хорошем счету, его назначили бригадиром и неоднократно поощряли. Тем не менее один из коммунистов заводу управления — некто И. Ф. Грановский — обрушился на него с ворохом обвинений, лишенных, впрочем, и логики, и здравого смысла, но переполненных косноязычием. Он, например, заявил: «...Кравец был в Германии в оккупации. Он работает неплохо, за ним надо установить контроль. Его надо учить, как надо относиться к труду. Ему очень много доверяли. Ему дали новую квартиру и сфотографировали в заводской стенгазете <...> Надо нам всегда знать, как чем кто дышит, они настолько хорошо работают, что [даже] один коммунист Храмцов выступил за поддержку его [Кравца]. Другой бывший офицер, <...> Бормотов выступил, что ему [Кравцу] надо зарабатывать 5 тысяч рублей в месяц» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 122. Л. 11; Д. 146, Л. 27]. Видимо, выступавший был так плохо подготовлен, что речь его напоминает бессвязный бред.

Надо сказать, что не всегда дело заканчивалось только критикой или выговором. Например, на партсобрании коммунистов цеха внешнего монтажа УЗТМ был дружно осужден и исключен из партии коммунист Обьедков за то, что он, будучи делегатом XXII-й партийной конференции Орджоникидзевского района, подал в президиум анонимную записку следующего содержания: «Когда же у нас будут ленинские принципы партийного руководства, как в Югославии?» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 122. Л. 4]. Примерно то же происходило и в стране в целом. Так, в Ленинграде был исключены из комсомола и из института один аспирант и несколько студентов, «клеветавших на советский строй», а за антисоветские высказывания (устные и письменные) были арестованы доцент Технологического института Голованов, сотрудник одного из институтов АН СССР Рудаков, студент Ленинградского университета Красильников. При этом не пощадили даже двух старых членов партии, вернувшихся из заключения и реабилитированных, но позволивших себе «сказать лишнее» — их, правда, не посадили, но исключили из партии и выслали из «колыбели Октября» [Россия...].

5. Контроль в культурной сфере

Отношения властей Советского Союза с интеллигенцией всегда оставляли желать лучшего. Собственно, иначе и не могло быть в государстве, которое провозгласило интеллигенцию всего лишь «прослойкой» между двумя ведущими классами. Заведомо унижительный характер такого поло-

жения работников умственного труда накладывал свой отпечаток и на их отношение к окружающей их советской действительности. Но дело было даже не столько в этом, сколько в том, что партия и государство постоянно стремились поставить под жесткий контроль любую интеллектуальную деятельность в стране, в том числе культурную сферу — литературу, искусство, кинематографию.

В середине 1950-х годов начинается процесс некоторой демократизации культурной жизни советского общества. Это проявилось в том, что стали регулярно собираться съезды художественной интеллигенции, активизировались международные связи советской культуры, граждане СССР получили возможность знакомиться с зарубежным искусством. Но уже в начале 1960-х деятелей культуры бесцеремонно «поставили на место» — 1 декабря 1962 года Н. С. Хрущёв посетил в Москве выставку художников-авангардистов студии «Новая реальность». Там он, будучи человеком малообразованным и догматичным, подверг резкой критике творчество художников-абстракционистов и запретил проведение выставки (впрочем, послехрущевское руководство страны 15 сентября 1974 года вообще разгромило подобное мероприятие, используя бульдозеры и другую спецтехнику).

Сохранившиеся архивные дела дают нам возможность оценить степень контроля властями культурной сферы жизни Среднего Урала на примере Свердловского отделения Союза советских писателей (СО ССП). Эта структура была создана в 1934 году и в ней состояло несколько десятков литераторов, официально признанных писателями и поэтами. Во второй половине 1950-х годов в области, как и во всей стране, наступает своеобразный литературный ренессанс: растет число членов СО ССП, увеличиваются тиражи книг среднеуральских прозаиков и поэтов, повсеместно проводятся встречи трудящихся с «мастерами пера». В связи с этим газета «Уральский рабочий» в начале сентября 1957 года сообщала своим читателям: «В магазине № 1 книготорга состоялась встреча горожан с писателями А. Исетским, Б. Рябининым, Ю. Трифоновым... В телевизионной передаче “Писатели Свердловска навстречу сороковой годовщине Великого Октября” выступили и прочитали отрывки из своих произведений В. Очеретин, Ю. Хазанович, Н. Попова, О. Маркова, Б. Дижур, Е. Хоринская, Л. Сорокин [Уральский..., 7 сент.]».

А буквально на следующий день та же газета сообщала, что «В Свердловске проходит праздник книги, посвященный 40-летию Великого Октября. Бюро пропаганды советской литературы областного отделения Союза писателей СССР выпустило однодневную газету “Литературный Свердловск”».

ловск”, в которой опубликованы произведения и творческие планы Е. Ружанского, Л. Сорокина, Б. Рябилина, Е. Великанова, Е. Долиновой, В. Очеретина, Е. Фейерабенда, М. Найдича, Б. Дижур, Ю. Трифонова, Н. Поповой, О. Марковой, О. Корякова, Ю. Хазановича, В. Шустова, Н. Толмачевой, С. Самсонова, А. Исетского, В. Артищева, Е. Хоринской, М. Батина. Создана рубрика “Молодые голоса”, в которой выступили А. Яковлев (рассказ “Поцелуй фортуны”), Э. Бояршинова, А. Пудваль и др.» [Уральский, 8 сент.].

И все это было бы замечательно, если бы литераторы не ощущали над собой ежечасный неусыпный контроль партии и государства в лице печально известной организации — Главлита (Сокращенное название Главного управления по делам литературы и издательств). Данная структура, периодически меняя свое название, осуществляла цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации в период с 1922 по 1991 годы. Фактически это и был идеологический и политический контроль за культурной сферой и средствами массовой информации.

Представление о том, насколько глубоко и жестко осуществлялась цензура в СССР, дает текст секретной (тогда) докладной записки начальника Свердловского управления по охране военных и государственных тайн в печати при Облсисполкоме (Обллита) Ю. Крыловой. В этой записке, направленной секретарю СО ССП М. А. Сергееву, в частности, говорилось:

«В журнале “Урал” из номера в номер заверстываются материалы, не подлежащие опубликованию... Ярким примером тому является 12-й, последний номер журнала. Редактору журнала тов. Краснову Г. К., его заместителю Макшанихину П. В. не раз было разъяснено, что в открытой печати нельзя помещать материалы, раскрывающие местонахождение оборонных предприятий, количество доменных печей на конкретных металлургических заводах и какие-либо сведения о лагерях для заключенных. Невзирая на это, в рассказе В. Астафьева “Дикий лук” было напечатано: “Мать в войну года три работала на оборонном заводе” (в Игарке) <...> В рассказе Л. Молчанова “Возвращение” сообщалось: “Сегодня много амнистированных из лагерей едет” <...> В очерке Я. Резника “Призвание” <...> упоминается пятая дома НТМК [Нижнетагильского металлургического комбината. — В. М.]. <...> Все вмешательства в тексты журнала № 12 за 1960 год сделаны по согласованию с зав. отделом науки, школ и культуры обкома КПСС тов. Ермаш Ф. П. Просим Вас принять необходимые меры к редакции журнала “Урал”» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 113. Л. 16—19].

Но Обллит стоял на страже не только государственных тайн — он бдительно отслеживал малейшие «нежелательные» или «ошибочные» (по мнению цензора) мысли. Так, в еще одной своей докладной записке на имя все того же М. А. Сергеева начальница Обллита сообщала: «В газете Махневского района “Ленинский путь” от 9 июля 1961 г. за № 79 в статье “Хитрость тунеядца” автор делает такой вывод: “Он не такой дурак, чтобы где-то трудиться. Например, в поле или в лесу. Он вообще не трудится”. По такому заключению газеты выходит, что трудятся только дураки» [ЦДОО-СО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 113. Л. 84].

Даже сегодня вызывают удивление масштабы полномочий Обллита: он контролировал не только творчество литераторов, но и внутреннюю жизнь СО ССП, в том числе даже деятельность его партийной организации. Такой вывод можно сделать, прочитав донесение (иначе эту бумагу трудно назвать) упомянутой Ю. Крыловой первому секретарю обкома КПСС А. П. Кириленко. В этом пространном документе сообщалось (сохранена пунктуация источника):

«На 6 марта 1961 г. было назначено открытое партийное собрание парторганизации Свердловского отделения Союза советских писателей в связи с повесткой дня: “О задачах Свердловской писательской организации в связи с подготовкой к XXIII-му съезду КПСС”. Собрание открылось в 4 часа дня вступительным словом ответственного секретаря СО ССП А. С. Яковлева, который сказал о том, что уже сделано писателями и что они намечают сделать к XXII-му съезду КПСС.

После Яковлева слово было предоставлено председателю СО ССП О. И. Марковой. Вместе с редактором журнала “Уральский следопыт” писателем Очеретинным, редактором журнала “Урал” Красновым и журналистом Красиловым <...> тов. Маркова участвовала в совещании работников сельскохозяйственной зоны Урала, и начала свое выступление с того, что совещание произвело на нее яркое неизгладимое впечатление. Когда тов. Маркова начала рассказывать об атмосфере деловитости, политического подъема и партийной принципиальности, царившей на совещании, <...> с места раздалась реплика писателя А. И. Исетского: “Ольга Ивановна! Все это мы знаем, в газетах читали. Вы нам лучше расскажите о том, что это может дать нам, душе писателя?” Маркова попросила не перебивать ее и сказала, что сама обстановка совещания является неисчерпаемым источником вдохновения для творчества, однако несмотря на это Исетский продолжал выкрикивать реплики, смысл которых сводился к одному: и это мы читали, и это мы знаем, и в этом ничего нового.

Со своими впечатлениями о зональном совещании выступили товарищи Красилов, Очеретин, Краснов. После выступления Красилова, Исетский обратился к нему с вопросом: “Хрущев на всех совещаниях говорил о том, что если ты не способен руководить — сознайся и уходи. Меня интересует: кто-нибудь у нас в Союзе писателей сознался или нет?” Вопрос вызвал смех в зале, замечания: “Нет, никто не сознался”.

На собрании выступили коммунисты Трифонов, Толмачева, Мячин с призывом откликнуться на решения январского Пленума ЦК, однако дальнейшего развития эти выступления не нашли. Большого серьезного разговора по теме собрания не получилось, поскольку и само собрание начало приобретать неорганизованный характер <...> Я попросила слово и сказала, что собрание на такую важную тему по сути дела оказалось неподготовленным. Писательская организация не продумала ни самих задач, ни конкретных обязательств по обсуждаемым вопросам. Это, в свою очередь, объясняется, очевидно, тем, что писатели плохо знают жизнь села <...> Говорила о том, что <...> близкое знакомство с жизнью подскажет писателю и темы, и интересные формы решения этих тем...».

Далее Крылова столь же подробно описывает выступления заместителя директора журнала “Урал” писателя Макшанихина и бывшего секретаря парторганизации СО ССП Богачева, которые посмели критиковать обком партии. При этом она снова сочла своим долгом «дать отповедь» клеветникам:

«Поскольку никто больше из присутствовавших на собрании не оставил на выступлении Макшанихина и не дал ему политической оценки, я попыталась разъяснить Макшанихину незрелость и несостоятельность его заявлений. Я сказала, что он, очевидно, совершенно не понимает ни существа политики партии, говоря о так называемых “чисто партийных” и “чисто хозяйственных” вопросах, говорила о требованиях, которые предъявляются партийному руководителю сегодня, о его необходимости глубоко вникать в жизнь <...>».

Некоторые писатели своими репликами попытались одернуть Макшанихина, однако обстоятельного, аргументированного отпора со стороны писательской организации ни выступление тов. Макшанихина, ни выступление тов. Богачева не получили. Чувствовалось настроение присутствовавших поскорее свернуть собрание, так как оно шло уже более четырех часов».

Надо отдать должное Ю. Крыловой — она была истинным бойцом партии, в рядах которой состояла. Не удовлетворившись результатом собрания, начальница Обллита после него развила кипучую деятельность. Вот опять же строки из ее донесения в обком:

«Сразу же после собрания я сказала тов. Марковой о том, что меня удивляет крайне пассивное, равнодушное отношение писателей к неправильным, непартийным выступлениям коммунистов Макшанихина и Богачева <...>. Маркова согласилась, заявив при этом, что она чрезвычайно возмущена поведением Макшанихина, Богачева, Исетского, но что они не явились для нее неожиданными, поскольку “<...> этот нарыв назревал давно и вот он прорвался”. В подтверждение своих слов Маркова привела примеры тенденциозных, нездоровых высказываний этих товарищей.

Вечером, возвратившись с собрания, позвонила домой тов. Ермашу, вкратце рассказав ему о случившемся. Наутро в отдел были вызваны тов. Маркова и тов. Трифонов. Они подтвердили свое возмущение выступлениями Исетского, Макшанихина и Богачева. Поведение этих товарищей [было] решено обсудить на закрытом партийном собрании. Закрытое партсобрание состоялось 10 марта с. г. На нем выступило 17 человек. Все коммунисты, за исключением тов. Очеретина <...> единодушно осудили поведение и высказывания тт. Макшанихина, Богачева, Исетского».

Действительно, только один Вадим Очеретин с мужеством истинного фронтовика хоть как-то вступился за беспартийного писателя Исетского, сказав собравшимся: «Если мы что-то запишем в его адрес, то мы, писатели, себя унизим. Никакой это не идеологический противник. Что вы! Это просто несчастный человек...» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 113. Л. 47—54].

Вот так начальница Обллита «направляла» писателей на путь праведный, не гнушаясь при этом и политического доноительства.

6. Выводы

Выбранный нами для исследования исторический период не зря именуется «оттепелью». Это было без преувеличения удивительное время, когда страна вдруг как будто очнулась от страшного сна, каким был для нее сталинизм. Именно в эти годы в СССР появились первые ростки пусть урезанной и искаженной, но демократии. А главное — из многочисленных тюрем и лагерей вышли многие тысячи несправедно осужденных. Неудивительно, что в эти же годы происходит и рост протестных настроений — советские люди постепенно переставали чувствовать себя «винтиками» системы, они стали учиться требовать хоть чего-то и от государства.

Но, внезапно начавшись, социально-политически преобразования, так и не набрав силу, были так же внезапно свернуты. Причина была проста: коммунистическая партия, ведущая сила советского общества, так и не смогла преодолеть свой догматизм, невосприимчивость любых общественных инноваций и страх потерять тотальный контроль над обществом.

В результате процесс раскрепощения общества был остановлен, а вслед за стагнацией политической наступила и стагнация экономическая. На этом фоне может быть не очень понятным снижение протестной активности населения, которое последовало по окончании первого послесталинского десятилетия.

Но этому можно найти вполне рациональное объяснение: стремясь сохранить контроль над обществом любой ценой, Брежнев и его команда предложили обществу хорошо известный в истории контракт. Смысл его в том, что население жертвует демократическими свободами ради относительно спокойной и обеспеченной жизни. Тем более, что страна к этому времени уже обладала ядерным оружием, достигнутые технологии в промышленности и сельском хозяйстве помогали избежать откровенного голода, а открытые в 1960-х годах огромные запасы нефти и газа в Западной Сибири обещали легкое получение мировых валют и сравнительно беззаботную жизнь.

И никто тогда не мог подумать, что подобный контракт наша страна заключит еще раз — уже в XXI веке. История любит повторяться.

Источники и принятые сокращения

1. АУФСБСО — *Архив* Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области
2. *Свердловская область в цифрах. 1976—1980 годы* : статистический сборник. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. — 175 с.
3. *Свердловская область в цифрах. 1981—1985 годы* : статистический сборник. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1987. — 127 с.
4. *Свердловская область в цифрах. 1986—1990 годы* : статистический сборник. — Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1991. — 144 с.
5. *Свердловская область в цифрах в 1992 г.* : в 2-х ч. — Екатеринбург : Свердловоблстат, 1993. — 156 с.
6. *Уральский рабочий* : общественно-политическая ежедневная газета — Свердловск, 1957. — 7 сентября, 8 сентября.
7. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области.

Литература

1. *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. / Ю. В. Аксютин. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 488 с.
2. *Лукин Ю. Ф.* Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20—80-е гг.) / Ю. Ф. Лукин. — Москва : МГУ, 1992. — 203 с.
3. *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.) / В. А. Козлов. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. — 413 с.

4. *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953—1985 гг. / В. А. Козлов. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. — 448 с.
5. *Крамола* : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и КГБ Брежнев. 1953—1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская ; под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. — Москва : Материк, 2005. — 432 с.
6. *Кулевиг Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР / Э. Кулевиг. — Москва : АИРО-XXI, 2009. — 208 с.
7. *Мамяченков В. Н.* Партийная власть и духовная жизнь советского общества в конце 1940-х—начале 1950-х гг. : все под контролем (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 2 (64). — С. 103—108.
8. *Мамяченков В. Н.* Протестные акции населения в 1950—1960-х годах : особенности, формы, методы (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2010. — № 15 (196). — С. 88—96.
9. *Мамяченков В. Н.* Солдатский бунт 1955 г. в Свердловской области / В. Н. Мамяченков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 2 (64). — С. 108—112.
10. *Прищепа А. И.* Инакомыслие на Урале, середина 1940-х—середина 1980-х гг. : диссертация ... доктора исторических наук / А. И. Прищепа. — Сургут, 1999. — 469 с.
11. *Сизов С. Г.* Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946—1964 гг. (на материалах Западной Сибири) : в 2-х ч. / С. Г. Сизов. — Омск : СибАДИ, 2001. — 223 с.
12. *Россия* в красках [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gicolor.org/history/rsv/aft/led/6/>.

Ideological Control of Public Sentiments in USSR in 1953 — Early 1960-ies (on Sverdlovsk Region Material)

© **Mamyachenkov Vladimir Nikolayevich (2016)**, Doctor of History, associate professor, Department of Theory of Management and Innovations, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), mamyachenkov@mail.ru.

The article focuses on a very relevant and topical subject which had not lost its discussion potential and socio-political significance to the present day. The study is conducted on archival materials of the Middle Urals within the boundaries of the Sverdlovsk

Region. Scientific novelty of work consists in introduction of newly discovered archival material into scientific use and in the author's conception of the research topic. Various aspects of the ideological control exercised by the Communist party during interesting for USSR historical period called "the thaw". The socio-political situation in the country is assessed as a whole. It is emphasized that the withdrawal of the country from the dictatorial methods of control did not mean the failure of the party and the state of permanent control in all spheres of life of Soviet society, above all in the ideological. It is stated that the protest movement in USSR grew until the second half of 1960-ies. The reasons for its decline in later years are analyzed and articulated. It is argued that Russian society still has not formed a culture on the relationships between citizens and the state, in which the latter would be the standard bureaucracy, controlled by civil society. It is concluded that the Communist party as the leading force of Soviet society was unable to overcome dogmatism, immunity for social innovation and fear of losing total control over society.

Key words: Middle Ural; Sverdlovsk Region; Communist ideology; party; state; monitoring; population.

Material resources

AUFSBSO — *Arkhiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti po Sverdlovskoy oblasti*. (In Russ.).

Sverdlovskaya oblast' v tsifrakh. 1976—1980 gody: statisticheskiy sbornik. 1981. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Sverdlovskaya oblast' v tsifrakh. 1981—1985 gody: statisticheskiy sbornik. 1987. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Sverdlovskaya oblast' v tsifrakh. 1986—1990 gody: statisticheskiy sbornik. 1991. Ekaterinburg: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).

Sverdlovskaya oblast' v tsifrakh v 1992 g. 2. 1993. Ekaterinburg: Sverdloblstat. (In Russ.).

TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti*. (In Russ.).

Uralskiy rabochiy: obshchestvenno-politicheskaya yezhednevnyaya gazeta. 1957. Sverdovsk. 7 sentyabrya, 8 sentyabrya. (In Russ.).

References

Aksyutin, Yu. V. 2004. *Khrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953—1964 gg.* Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

Kozlov, V. A. 1999. *Massovyye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 — nachalo 1980-kh gg.)*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).

Kozlov, V. A. 2006. *Neizvestnyy SSSR. Protivostoyaniye naroda i vlasti. 1953—1985 gg.* Moskva: OLMA-PRESS. (In Russ.).

Kozlov, V. A., Edelman, O. V., Zavadsкая, E. Yu. (eds.). 2005. *Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i KGB Brezhneve. 1953—1982 gg. Rassekrechennyye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR*. Moskva: Materik. (In Russ.).

Kulevig, E. 2009. *Narodnyy protest v khrushchevskuyu yepokhu. Devyat' rasskazov o nepovinoenii v SSSR*. Moskva: AIRO-XXI. (In Russ.).

Lukin, Yu. F. 1992. *Iz istorii soprotivleniya totalitarizmu v SSSR (20—80-e gg.)*. Moskva: MGU. (In Russ.).

- Mamyachenkov, V. N. 2016. Partiy'naya vlast' i dukhov'naya zhizn' sovetskogo obshchestva v kontse 1940-kh—nachale 1950-kh gg.: vse pod kontrolem (na materialakh Sverdovskoy oblasti). In: *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 2 (64): 103—108. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2010. Protestnyye aktsii naseleniya v 1950—1960-kh godakh: osobennosti, formy, metody (na materialakh Sverdlovskoy oblasti). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 15 (196): 88—96. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2016. Soldatskiy bunt 1955 g. v Sverdlovskoy oblasti. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 2 (64): 108—112. (In Russ.).
- Prishchepa, A. I. 1999. *Inakomyслиye na Urale, seredina 1940-kh — seredina 1980-kh gg.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Surgut. (In Russ.).
- Rossiya v kraskakh*. Available at: <http://ricolor.org/history/rsv/aft/led/6/>. (In Russ.).
- Sizov, S. G. 2001. *Intelligentsiya i vlast' v sovetskom obshchestve v 1946—1964 gg. (na materialakh Zapadnoy Sibiri)*. 2. Omsk: SibADI. (In Russ.).